

зоветь преступленіемъ, нарушеніемъ закона, установленіе такихъ условій. при которыхъ вода удерживается въ жидкомъ состояніи и при температурѣ ниже нуля?! Кто назоветъ незаконнымъ, или преступнымъ умѣнье измѣнить условія такъ, что тяжелое тѣло, какъ желѣзо, станетъ плавать въ водѣ и даже поднимется и полетитъ по воздуху (корабли, сдѣланные изъ желѣза, аэростаты, устройство которыхъ не обходится безъ желѣза)?! Человѣку, людямъ, какъ существамъ разумнымъ, надлежитъ не подчиняться фактамъ, или силамъ естества, неправильно называемымъ законами природы, а изучать ихъ, чтобы управлять, пользоваться ими для устроения жизни. Изучивъ силы, случайное сочетаніе которыхъ производитъ возмущающіе наше нравственное чувство факты, и научившись управлять этими силами, мы уже не будемъ подчиняться фактамъ, а сами будемъ создавать факты, *творить исторію*, строить жизнь, будемъ устанавливать такія сочетанія находящихся въ нашемъ обладаніи силъ, результатомъ которыхъ будутъ явленія, удовлетворяющія наши нравственныя требованія, а не возмущающія ихъ, какъ это нынѣ есть. Горькій совершенно вѣрно говоритъ, что дѣлая выводы изъ фактовъ, объявляя ихъ непреложными законами и подчиняясь имъ человекъ „*ставитъ себя преградой на пути къ свободному творчеству жизни*“. Такое неправильное объявленіе, или наименованіе, вывода изъ фактовъ *закономъ* привело, между прочимъ, и къ той путаницѣ, въ которой нельзя отличить, что добродѣтель, что порокъ. Благодаря перенесенію понятія *законъ* въ чуждую ему область неразумной и бездушнѣй природы, благодаря наименованію фактовъ и силъ слѣдого, неразумнаго и бездушнаго естества *законами природы*, пороки и добродѣтели, по удачному выраженію Горькаго, «спутаны какъ два клубка нитокъ, черныхъ и бѣлыхъ», которая отъ близости стали сѣрыми, воспринявъ другъ отъ друга часть первоначальной окраски». И въ самомъ дѣлѣ, многое что прежде считалось порокомъ, теперь, какъ исполненіе требованій закона природы, не только оправдывается, но и возводится въ добродѣтель. Все что *естественно*, то уже не стыдно и не преступно, и въ этомъ находятъ свое оправданіе и трусь, и развратникъ, и притѣснитель. Признаніе *закономъ борьбы за существованіе* сдѣлало бессмысленнымъ и даже преступнымъ поддержку слабого противъ сильнаго, и это въ какомъ-бы то ни было отношеніи;—не можешь побѣдить, не умѣешь приспособиться, и погибай;—зачѣмъ, на что и кому ты нуженъ?!... Любовь и особенно любовь къ обездоленнымъ, къ бѣднымъ, при признаніи *за законъ борьбы за существованіе* не только излишня, но и вредна, потому что парализуетъ, ослабляетъ энергію борющихся, и стало быть это уже не добродѣтель, а порокъ. И Горькій, такъ глубоко и вѣрно указавшій на смѣщеніе вывода изъ фактовъ съ закономъ, самъ, очевидно, находится подъ влияніемъ той путаницы понятій, которая такъ плотно окутала наше интеллигентное общество, а потому и самъ, не смотря на свой очевидный и большой талантъ, самъ онъ, Горькій, не въ силахъ отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что, собственно, выводъ, а что законъ. Воспитанный въ существующей путаницѣ понятій, Горькій едва ли даже признаетъ, что есть законъ, и спрашивая—«кто есть твой Богъ?»—онъ, очевидно, сомнѣвается, неувѣренъ въ самомъ существованіи Бога. Горькій и самъ не умѣетъ отличить добродѣтели отъ порока, а потому и